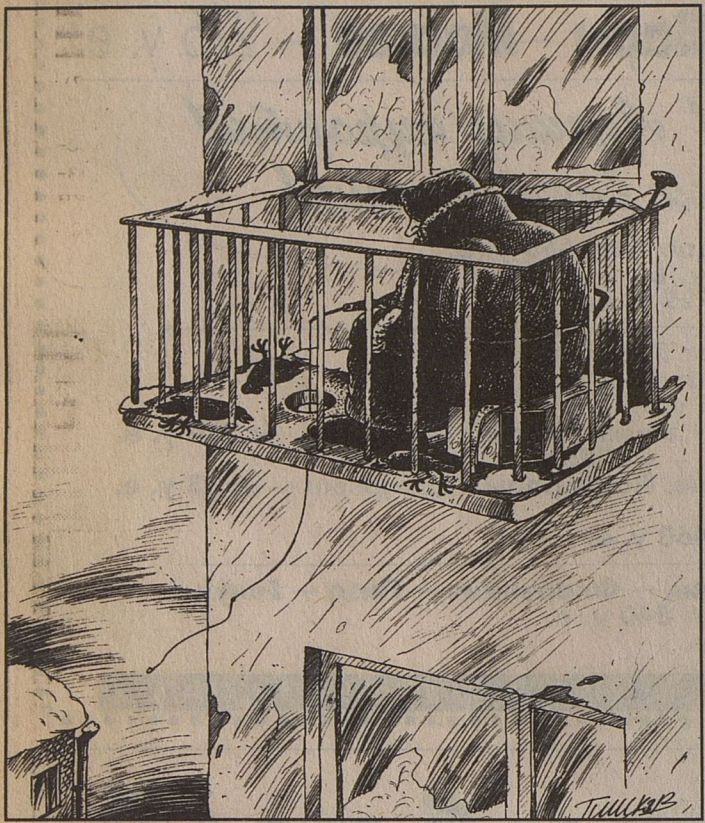

Когда попадаешь в мастерскую художника Леонида Тишкова, создается впечатление, что оказался в анатомическом театре. Повсюду огромные внутренние органы человека, с какой-то причудливой фантазией выполненные из различных материалов. Здесь и легкие, и сердце, открыв которое, можно увидеть множество разнообразных существ, желудок, где лежат куклы, на которых обычно тренируются будущие сестры родовспоможения, и т. д. Ну и, конечно, множество даблоидов — существ, представляющих собой человеческую ступню, служащую кверху, с загнутой маленькой головкой — плод безудержной фантазии Тишкова, создавшей целый мир этих существ со своей историей и философией.

— Леонид, любой, даже самый неуклюжий в искусстве человек, увидев все это, догадается, что ты имеешь отношение к медицине.

— Действительно, я по образованию врач. И нет ничего удивительного в том, что тематика многих моих работ связана с медициной. Даже моя «Джоконда» имеет к этому отношение. Видите, на картине странное грушевидное лицо с загадочной улыбкой? На самом деле это научный рисунок, иллюстрирующий зоны тактильной чувствительности коры головного мозга, который я трансформировал в свою образную Джоконду. Чем не Леонардо?

— Но не все же ваши работы на медицинские темы?

— Конечно, нет. Вот лежит двухметровый тряпичный человек. Это мой уральский дедушка — Александр Иванович Тягунов. А это человекоподобное существо, стоящее на четвереньках, с вмонтированным в ягоду телевизором — Тварь. От слова «телевидение» — ТВ — Тварь. Метафора того, что мы получаем от средств массовой информации.

— Вы хотите сказать, что место, куда вмонтирован телевизор, показывает, чем является исходящая оттуда информация?

— Чтобы не выражаться грубо, я называю эту информацию словом «гуано».

— Я вижу, у вас здесь много долозлов. Это что, тоже метафора?

— Конечно. Нас манит все загадочное и странное. Подводное — символ подсознательного. Внешняя оболочка чело-

века — это не настоящее. Кожа — скафандр, а самое главное скрыто под этим скафандром. Там, внутри, ты настоящий. И вообще, люди — долозлы. У них тяжелые ноги. Они зависят от воздуха. От долозла тянутся веревка и шланг, и в любой момент ему могут перекрыть кислород или дернуть за веревку. Кто угодно — семья, начальство, милиция. Или придет очередное ГКЧП и вообще отвинтит шлем. У меня огромное количество графических работ о долозлах. Даже написана пьеса. Так что, как-то само собой возникла идея создать Общество глубоководных долозлов, которое занималось бы их проблемами, изучало их историю и быт и принимало бы активное участие в судьбе долозлов. Это движение в нашей стране. Что я, собственно говоря, и сделал — в рамках своего фонда «Даблус» организовал соответствующее подразделение. Готовится к изданию монументальная книга «Долозлы: быт и нравы подводного движения».

— Вы это серьезно?

— Вполне. Общество наше добровольное. Любой сочувствующий может вступить в него, а если возможно, и поддерживать благотворительную сумму благородное дело спасения долозловского народа.

— А что это за фонд, и чем он занимается?

— Я создал некоммерческий культурный фонд «Даблус» и являюсь его президентом. Мы устраиваем выставки, выпускаем книжки, снимаем фильмы. — Зачем вам, творческому человеку, лишние заботы с фон-

дом? В принципе, все можно делать и без него.

— Понимаете, художнику очень трудно противостоять прессингу со стороны общества, выталкиванию его из жизни. Свободное творчество сегодня не может прокормить художника, и он вынужден либо зарабатывать деньги где-нибудь в рекламе, газетах, журналах, преподавать, либо конъюнктурно приспосабливаться в своем творчестве к сегодняшнему спросу. А свободное творчество обязательно должно быть. Мой фонд как раз и создан для того, чтобы сохранить искусство в чистоте. И потом, фонд — это социальная структура. Раз она существует, значит, и ты существуешь. Помните, как раньше — люди, не состоявшие в творческих союзах, вроде как бы и не существовали. Их никто не признавал. Ну какой же Бродский поэт, когда он не член Союза писателей? Так что фонд юридически как бы подтверждает мое существование.

— Почему у него такое странное название?

— Это сложная история. Даблус — одно из существ, созданных мной в многофигурной вселенной. Визуально он представляет собой женские груди, соединенные между собой, и похож на валик от дивана. Отсюда и название:

Даблус — двойной. Это — некий гермафродит. С одной стороны, в нем женское начало — груди, с другой, мужское — они образуют фаллос. Даблус — это все первичное. Первомастерия. Затем возникли даблоиды — порождение мыслительной и агрессивной деятельности человека. Но обо всем этом в рамках небольшого интервью рассказать невозможно. У меня написаны об этом книги.

— Почему даблоид так странно выглядит?

— Не более странно, чем портрет Ленина или пейзажи Шишкина, к которым мы просто привыкли. Странным можно назвать что угодно. Если мы будем видеть даблоида постоянно — на рекламных щитах, полиэтиленовых пакетах, заставках телевидения, посуде, он уже не будет казаться странным. Проблема странности — вещь относительная. Недавно я создал Лабораторию небиологических структур (ЛНС) для изучения мира сновидений и существ, обитающих там. Я называю их протодаблоидами. В рамках этой лаборатории существуют разные ответвления. Например, челябинский музыкант Лев Гутковский сочиняет музыку жизни «живущих в хоботе», музыку даблоидов, стомаков. Записано уже два диска. Он со своими музыкантами играл эту музыку в Стокгольме на премьере моей пьесы «Даблоиды».

— Фантастика какая-то. Просто в голове не укладывается. Вы знаете, я ведь тоже могу открыть, скажем, общество любителей лунного балета. Будем изучать влияние силы лунного тяготения на хореографию Петипа...

— Если найдете источник финансирования, если вокруг вас появятся умные головы и если председателем общества сделаете Майю Плисецкую — все заработает.

— Вы уверены, что любая, даже самая нелепая идея может заработать?

— А чем, как не нелепостью, можно назвать исследование Мичурина или академика Лысенко? Вся страна работала, издавались книги. Какое количество денег на это было потрачено. А проект поворота северных рек? Это я сейчас говорю о разоблаченных уже проектах, а сколько их еще! Уйма сил и средств тратится, чтобы решить проблему бессмертия, например.

— Но ведь она же актуальна.

— Правильно. Вот я предложу, что человек может стать невидимым. Это тоже будет актуально. Бессмертие невозможно, но тем не менее полно людей, собирающих его достичь. Но хуже всего, когда финансируются программы, приводящие к гибели людей, — выращивание эмбриона сибирской язвы, атомные исследования и т.п. И мы, замечать, не считаем это дикостью. Почему же нам кажутся нелепостью исследования мира сновидений? Ведь сны — реальность. Там, внутри этих снов, что-то происходит. А вдруг эти образы могут материализоваться и выходить в

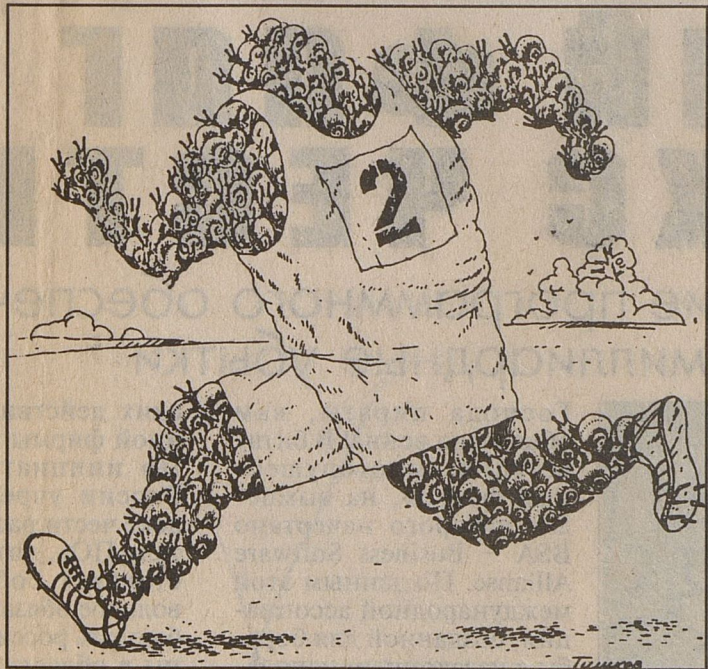
наше пространство? А поскольку сновидения — тонкая материя, область фантазий, то заниматься этим должны художники и поэты, более тонко ощущающие мир. Описывать сны, систематизировать их. Скажете, бессмыслица? Но реальность и нереальность — все в жизни переплетается. Сегодняшняя нереальность завтра становится реальностью. Говорить о сиюминутной пользе бессмысленно. Вся фундаментальная наука поначалу никакой пользы не приносит.

— Многие шокируют анатомичность некоторых ваших работ. Не каждому приятно лицезреть свои внутренности.

— Понимаю. Когда человек видит, что у него внутри, он пугается. Это ассоциируется у него со смертью. А там ведь все живое. Почему мы должны отказываться в эстетике нашим внутренним органам? Мы любим свои глаза, брови, уши. А чем отличаются волосы и кожа от селезенки и почек? Не по-

— Тогда почему вы в своем издательстве выпускаете книжки тиражом в 100 — 200 экземпляров?

— Я не думаю, что что-то изменится, если мои книги размножить миллионными тиражами. Ну, может, кошелек мой несколько потолстеет. Ну и что? Чаше всего размножаются неудачные книги. Любые произведения искусства от размножения только страдают. Ведь они уникальны. Вообще, рукописные книжки и альбомы могут делать все, и для этого вовсе не обязательно быть художником-профессионалом. Будь любителем. Рисуй в свободное время, выжигай, вышивай. Моя бабушка в деревне Коркино перерисовывала открытки в альбомчик. Искусство, на самом деле, не прерогатива академиков. Когда я вижу человека, пытающегося что-то рисовать или лепить, я ему говорю: «Молодец! Пробуй, пытайся стать художником». Обычно отвечают: «А

нимаю. Я своими рисунками пытаюсь сказать: обратите внимание — все органы живут своей жизнью, о которой очень много можно рассказать. Здесь есть и странное, и смешное. Любое физиологическое явление прекрасно, и если мы испытываем стыд, ужас и отвращение ко всему этому — мы этим самым гневим Бога.

— Вы считаете свое искусство элитарным?

— Нет. Оно, я бы сказал, фантазийное. В чем-то немного наивное, с юмором. Если его начать объяснять, оно может показаться элитарным.

— Но мне кажется, широким народным массам гораздо понятней Шишкин, Айвазовский, Лактионов...

— Не знаю. И Шишкин, и Айвазовский замечательны. И Лактионов, наверное, тоже хорош. На мои выставки приходят дети и радуются. Старички удивляются. Спрашивают: нельзя ли лечиться возле ваших картин? Вообще я об этом не думаю и лишь пытаюсь найти адекватную форму для воспроизведения своих идей и фантазий. А когда искренно говоришь о том, что тебя волнует, это будет затрагивать и людей.

как же я буду семью кормить?» А ты попытайся — вдруг получится. Что тебе дают те жалкие деньги, которые ты зарабатываешь? Только усталость. У Камо есть замечательное эссе «Человек абсурдный», где рассказывается о человеке, который каждый день ездит на работу, постоянно у него все одно и то же. И вдруг он останавливается и понимает, что скоро умрет... Ради чего, собственно, живем?

— Вы призываете всех стать художниками? Разве у нас их мало?

— Я считаю, что мало. Их должно быть гораздо больше. Разных. Кому-то нравится пейзажист из Измайлова, кому-то экзотические выходки Кулика. Художники пытаются взглянуть на мир с разных сторон, и чем больше их будет, тем богаче окажется все мы. И пускай человек не станет профессионалом. Если он соприкоснулся с искусством — что-то делал сам, читал, думал о прекрасном, — у него все равно в душе что-то останется. Он станет богаче. И соответственно, станут богаче все, кто с ним общается.

Встречался Андрей ДМИТРИЕВ.

